

Семен РАБОТНИКОВ*г. Переславль-Залесский
Ярославской области*

1

Когда в деревне узнали, что Маша выходит замуж, да не за кого-то, а за лейтенанта, недавно окончившего военное училище, парни ее ровни взбунтовались и потребовали от жениха выкупа. Иначе, грозилась, не отдадут. Девушка была уж больно хороша, небольшого роста, поджарая, со строгими чертами лица. Трудилась не в колхозе, а в Переславле-Залесском на ткацко-прядильной фабрике в тростильном цехе. Попадала на работу и с работы пешком, автобусы тогда не ходили.

Ходко ступала крепкими ногами по проселочной дороге, вившейся по широкому полю, затем по дубовой роще и шоссе – шеса, как произносили сельские, – вымощенному булыжником, по которому проносились машины с кипами хлопка в кузове из ближайшей станции Берендеево. Иногда ее подвозили. Сама она не просилась, не голосовала.

И вот древний город с четырехэтажными красными корпусами на окраине ткацко-прядильной фабрики со странным названием «Красное эхо», прежде «Товарищество Переславской мануфак-

туры», где день и ночь шумели станки, в цехах кружились очесы хлопка, называемые угарами. Фабрика работала в три смены.

Маша входила в свой тростильный цех, с которым за несколько лет сроднилась, и начинался труд не из легких. Но он не тяготил ее. В ней было понимание, что надо работать и приносить в дом копейку. На фабрике, где работало большинство женщин, платили, хотя не так уж и щедро. А вот в колхозе, где трудилась ее невестка Поля, жена брата Федора, отделялись пустыми трудоднями. Маше в деревне завидовали:

– За деньги работает. А мы за что?

В один из летних вечеров в саду, где устраивали танцы для фабричной молодежи, Маша познакомилась, как оказалось, с лейтенантом Алексеем Ананьиним. Явился он на танцы не в военной форме, конечно, а в штатском. Серый костюмчик и светлая рубашка с галстуком ладно сидели на его невысокой стройной фигуре. Знающий бы сразу определил, что этот человек служит или недавно отслужил армию. Чувствовалась военная выправка. Алексей только что окончил Подольское военное училище и приехал в от-

2

пуск к родителям. Тщательно одевшись и причесав коротко подстриженные светло-русые волосы, вставшие ежиком, он ступил под старые липы, тихо шелестевшие листвою. Начало июля, и липы как раз цвели. Днем их облепляли пчелы, налетевшие из окрестных деревень. Вечером пчелы уже не летали, и липы отдыхали, устав от пчелиного гула и копошения.

У танцевального пятачка Алексей увидел девушку – в голубом платье, с правильными чертами лица. Это была Маша. Взгляды их встретились, и началось то, что обычно называют игрой взглядов, хотя игры в прямом понимании этого слова и не было. Был интерес друг к другу. «Какой светлый парень!» – подумала Маша. Со своей прической ежиком, похожей на одуванчик, в сером костюме и рубашке он действительно производил впечатление чего-то светлого. Алексей же, в свою очередь, про себя произнес: «Пригожая девушка».

Так все и началось. Случалось, он провожал ее из города до самой деревни. Восемь километров туда и столько же обратно надо было топтать ради девушки. Они не любовались окружающей их природой. Она сама входила в их души – запахом полей, лугов и лесов. Не замечали, как проходили дорогу.

Вот и ее родная деревня Болшево, раскинутая посадки на склоне пологого холма, окруженная дубовыми и березовыми рощами.

Избы, крытые соломой, колодцы, колхозные хозяйственные постройки на краю деревни.

У первого колодца Алексей останавливался, опускал в темень деревянного сруба на цепи ведро и, крутя ручку ворота, поднимал. Из ведра на дно колодца звонко падали капли. Ставил ведро на сруб и прямо из него жадно пил студеной воду, чувствуя, как в животе становится прохладно. Маша, стоя рядом, посмеивалась. Он отправлялся назад, а она к своему дому, стоявшему в центре деревни, с четырьмя окнами наперед.

Они не говорили о любви и чувствах. Любовь была как бы сама собой разумеющейся в их отношениях. Так зачем о ней говорить? На первом или втором свидании она узнала, что он военный и служит в Подмоскovie. Но скоро их часть куда-то переведут. Куда – знает только высшее начальство.

Когда отпуск закончился, Алексей отбыл в свою часть, и Маша думала, что на этом и закончились их отношения. Не будет больше длинных прогулок, и ей теперь придется ходить одной. Она шибко загрустила. Жизнь как бы пообещала счастье – и обманула.

Алексей приехал в конце лета на выходной и опять проводил ее до самой деревни. Произошел важный разговор.

– Маша, пойдешь за меня замуж? – сильно волнуясь, заговорил Алексей, когда миновали последние дома города и ступили на дорогу, ведущую на железнодорожную станцию. Было отчего волноваться. А вдруг откажет? Тогда прощай мечты о счастливой семейной жизни. Три недели, пока не виделись, он только и думал о Маше.

– Не хочу тебя обманывать, – продолжал он. – Жизнь военного – переезд с места на место. Поднимут по тревоге и увезут незнамо куда.

– Это и хорошо! Зато увидишь другие края! – заговорила она.

Счастье наполнило ее. Дожидалась этого мгновения, и оно пришло. Почувствовала необыкновенную легкость, подумала, что сейчас, как птица, взмоет вверх.

– Так ты, значит, согласна? – не поверил своему счастью Алексей и остановился, взяв ее за руку.

– Да! – кивнула она.

Тут они первый раз поцеловались, неумело, только скользнули губами. Губы их были сухие от волнения.

Сразу заговорили о практических делах. Когда поженятся? Осенью после уборочной до Рождественского поста. Так что ждать предстоит недолго. Поженятся – и пусть их часть посылают куда угодно, хоть к черту на кулички. Вдвоем ехать совсем не страшно.

После, так сказать, официального предложения Маша привела Алексея в старый родительский дом и познакомила с матерью Анной Никитичной, братом Федором и его женой Полей. Алексей сразу всем понравился, скромный, спокойный молодой человек, к тому же – командир Красной армии.

Вскоре и вся деревня узнала, что у Маши есть жених, да не простой. Подруги ей, естественно, позавидовали, а парни заартачились:

– Пушай жених платит выкуп за невесту. Да не скупится. А то мы ему Машку не отдадим.

С ними согласились. Такой уж порядок заведен нашими предками на святой Руси, и не нам его отменять. Выкуп, конечно, не в денежном эквиваленте, а в угощении. Федор нагнал первача – с ног сшибает, Анна натушила в русской печи целый чугунок картошки с бараниной, наложила из кадки большую миску соленых огурцов, и все это Федор перетащил в дом Степана Дронова, где намечалось гулянье.

Степан, заводила среди парней, длинный и сухощавый, выпроводил из дома к соседям на посиделки всю свою большую семью. Под вечер стали сходиться парни. Федор с будущим зятем Алексеем явились среди первых. Вскоре всю избу заполнили парни. Всем места за столом не хватило, и расселись на лавках вдоль стен, даже на полу на корточках.

– Прямо скажу: хорошую ты девку отхватил, Олеха, – заговорил Степан, глядя выпученными глазами на Ананьина. – Да чтобы мы ее так отпустили без выкупа – ни в жисть!

Он хлопнул стакан первача и захрустел огурцом, откусывая большими кусками. По подбродку тек огуречный рассол.

– Правильно! – загалдели со всех сторон парни. Жених только улыбался. За него слово держал Федор.

– Да мы рази против. Мало будет – еще принесем. Ешьте, пейте, робята!

Началась разухабистая широкая русская гульба. Все друг друга хорошо знали, некоторые доводились родственниками во втором, третьем и далее колене, и Алексей почувствовал себя среди них своим. Хоть и увел у них девушку – никто не глядел на него враждебно. Других найдут. Вон их сколько! Весело гуляли, не забывая вести разговор о серьезном.

– Как ты думаешь, Олеха, война будет? – Степан уставился на него.

– Не должна. С немцами заключили пакт о ненападении, – отрицательно покачал головой Алексей.

– Да что пакт! Вон с финнами поцапались. Да еще как! В одной нашей деревне трое не вернулись. А по всей стране сколько?

Федора, уже отслужившего срочную службу, тоже было призвали, но пока ехал, война закончилась. Слышал он, что жертвы были огромные. Стояли трескучие морозы, и малейшее ранение и потеря крови приводили к гибели. Бывали случаи – бойцы замерзали в землянках. Здесь, в средней полосе, от морозов пострадали яблони.

– Хватит угощения или еще принести? – Федор оторвался от стула.

– Хватит! – Степан лез к нему целоваться. – Что мы – жмоты какие!

Федор с Алексеем ушли первые, оставив шумевшую компанию допивать первач и доедать закуски.

После выкупа невесты задумались о свадьбе. Выкуп что, выкуп – пустяки. Вот свадьба – другое дело. Она требовала расходов, и немалых. Конечно, можно обойтись и без свадьбы. Но их осудила бы вся деревня. Нет, без свадьбы нельзя.

Никитишна полезла в красную укладочку, стоявшую под кроватью, отомкнула ключиком и с самого дна укладки достала пожелтевший от времени платок, завязанный крепким узлом. Развязывая узелок, помогала немногими оставшимися во рту зубами – и высыпала на дубовую столешницу пять золотых монет с изображением последнего русского царя Николая Второго. Каждая монета достоинством в пять рублей!

– Сберегла к радостному дню, – лицо старушки сияло, будто сама выходила замуж.

История монет такова. Муж Анны Никитичны Илья Гаврилович вернулся с фронта домой в деревню в 1916 году по болезни, дослужившись до чина унтер-офицера, и привез двести семьдесят пять рублей николаевками. Двести пятьдесят рублей она положила в банк, надеясь получить проценты, а двадцать пять рублей, завязав узелком в платочке, спрятала в укладку, где они хранились до нынешнего дня. Много раз возникала необходимость потратить их, но Анна откладывала трату до более нужного часа. И вот он наступил, и ей не было жалко денег.

Илья Гаврилович, прожив дома несколько месяцев, умер от чахотки, и Маша, Марька, как мать звала ее в детстве, родилась уже после смерти отца. Анна осталась вдовой с тремя детьми, восьмилетним Федором, шестилетним Семеном и новорожденной дочерью.

В октябре 1917 года пошла снимать деньги в банке. Там ей сказали: лопнули ваши денежки.

На золото в торгсине можно купить все, что душа пожелает и чего нет в обычных магазинах.

Никитишна со знакомым попом из Красного села отцом Григорием и церковным старостой Иваном Петровичем Ерохиным договорилась о тайном венчании дочери с Алексеем, предупредив, что будущий ее зять военный. Священник поначалу испугался и наотрез отказался венчать молодых.

– Боюсь доноса, – налегая на «о», изрек он.

– Отец Григорий, обвенчаем их тайно, и никто не узнает, – уговорил его Ерохин, бородатый крестьянин села Красного, несший нелегкое бремя церковного старосты, за что не раз подвергался опале. Он настолько привык к гонениям, что уже ничего не боялся.

Поставив колхозному конюху бутылку первача, Федор запряг двух лошадей, одну – в легкую таратайку, другую – в обыкновенную телегу, накидав побольше соломы, и ввечеру повез молодых в Красное село на венчание. В таратайке сидели жених с невестой, и правил сам жених. На телеге все остальные: Никитишна, Поля, Федор, их десятилетний сынишка Юрка, не отстававший от родителей, и престарелые мать с отцом Алексея Ананына. Все молчали, сознавая важность происходящего.

Под колесами и копытами похрустывал ледок. Целую неделю мокрило, а потом стукнул мороз и лужи подернулись льдом.

Все, кроме Федора, оставшегося в овраге стеречь лошадей, двинулись к белевшей в темноте церкви. Часа через полтора вернулись торжественные и довольные.

Чтобы справить в избе свадьбу, зыбку с младенцем сняли и отнесли соседям, к крестной матери Настасье Самойловой. Дом был просторный, но уж больно старый. Никитишна опасалась, что переворы не выдержат наплыва людей и лопнут. Федор полез под пол и дополнительно поставил дубовые чурбаки. Вдоль стен расставили столы, возле них скамейки для гостей, для молодоженов стулья с торца стола под божницей. Столы ломались от яств: тушенная с бараниной картошка, нарезанная толстыми ломтями свинина, знаменитая с Плещеева озера копченая ряпушка, разделанная с луком керченская сельдь, источавшая сок, пироги, начиненные и капустой, и мясом, и яйцом, и всякой всячиной. Поднимали горлышки бутылки с красным и зеленым вином – так называли сельяне водку.

Впрочем, свадьба была нешумной и немногочисленной. За столом сидели только самые близкие родственники да две-три ближайšie подруги невесты, без куража, пьяных выкриков и драки.

Настал момент, когда толпившийся возле дома народ пустили в избу поглядеть на невесту с женихом. Избу заполнила огромная толпа баб, мужиков, парней, девушек и даже детей. Задние напирали на передних, и передние оказались возле самых столов, ощущая запах яств и проглатывая слюнки. Всем хотелось лицезреть новобрачных. Они сидели под образами, невеста в белом подвенечном платье и фате, жених в черном, как жук, костюме и белой рубашке с галстуком, оба юные, красивые, переполненные чувством радости.

Плясать отправились на проулочек. Федор повесил керосиновый фонарь «летучая мышь» на гвоздь на крыльчатом столбе. Нашелся гармонист, которому вынесли стул, и начали выкаблучивать с частушка-

ми, уханьем и взвизгиванием до глубоких потемок. Далеко окрест разносились звуки, и народ знал: в Болшеве справляют свадьбу.

Все близкие родственники гуляли на свадьбе, только одного меня не было. Прямо в зыбке, сняв ее с оцепы, отнесли в соседний дом к моей крестной матери коке Насте Самойловой. Оцеп вставлять не стали, а просто привязали к кольцу, ввинченному в матицу. Накормленный, я спал беспробудным сном, не ведая, что в нашей семье совершается великое событие – тетя Маша выходит замуж.

4

В мае 1941 года воинская часть, в которой служил лейтенант Алексей Ананын в должности командира взвода, передислоцировалась из Подмосковья к западной границе под город Брест. Простившись со всеми близкими: матерью Анной Никитичной, братом Федором, невесткой Полей, племянниками, поклонившись родительскому дому, в котором родилась и выросла, Мария вместе с мужем отбыла в неизвестность, в далекое далеко. Тревожно и радостно было на сердце.

За свои отношения с мужем не беспокоилась. С каждым днем они все больше свыкались друг с другом и вскоре стали одним целым, которое не разделить. Чем-то и внешне стали похожи, точно перенимали друг у друга черты. Им говорили, что они как брат и сестра. Жизнь супружеская – великая тайна. Недаром в Библии говорится: да прилепятся муж и жена друг к другу...

Не особо волновали ее дорога и предстоящие хлопоты с поселением на новом месте. Мария не сидела сиднем в деревне и районном городе, а при всякой возможности ездила и в Москву, и в областной Ярославль, слушала концерты и смотрела спектакли. Однако в самом воздухе висело нечто тревожное: как бы не быть войне. На эту тему часто говорили люди, сходясь где-нибудь на улице. В природе бывает ощущение предстоящей грозы, хотя ни облачка на небе, ни тучки. Но сильно печет солнышко, парит, и народ угадывает: нынче не миновать сильной грозы, и не дай бог кого-то убьет или ударит в дом. И точно – из-за окоема выползает черная туча с белыми прожилками и заволакивает все небо. Грохочет так, что заставляет приседать. Молнии непрерывно то змейкой, то широкой вспышкой освещают землю. Хлещет дождь.

После замужества она изменилась. Мария по-

несла. Об этом перед самым отъездом поведала матери, та – невестке Поле. Такой вестью женщина делится с женщиной. Да и опытный женский глаз сам замечает: походка не та, округлилось тело. Обе к сказанному отнеслись серьезно, сами рожали, Поля – дважды, мать – десять раз. В живых осталось двое, Федор да она, Марька. Остальные умирали в младенчестве, кроме Семена. С Семеном особый случай. Помер в возрасте 26 лет от разрыва мочевого пузыря, простудившись в вешнюю Николу у тещи в деревне Пономаревке. Смерть взрослого сына здорово подкосила старушку. Через полгода после похорон Поля родила мальчика, и в утешение Никитишны его нарекли Сеней. Так в семье появился второй Семен.

Узнав о беременности жены, Алексей несказанно обрадовался и в то же время посерьезнел: он – будущий отец, а это накладывает на него дополнительные обязанности.

Алексей ухаживал за женой так, как будто она была на последних неделях беременности. Бегал за чаем, не разрешал ничего поднимать. Сидя друг против друга, часами смотрели в окно на мелькающую природу, сравнивая, как у нас и как тут. Впрочем, природа не сильно менялась, так как ехали по параллели, а не по меридиану, с востока на запад. Всю дорогу их сопровождал запах черемухи. Как раз она была в полном цвету и буйствовала на опушке леса справа и слева вдоль железной дороги. Даже на каком-нибудь глинистом бугорке – и там, глядишь, рос кусточек весь в цвету, радуя глаз. Вряд ли кого оставит равнодушной цветущая черемуха, а у Марии к ней было особое отношение. Под окнами ее родительского дома красовались две черемухи, посаженные еще отцом. Все свое детство, когда не трудилась по дому и огороду, а работать крестьянские дети начинают чуть ли не с младенчества, она провела на черемухе, сидя, как в седле, в развилке сучьев, мать даже упрекнула ее, что она, как мальчишка, лазает по деревьям.

Сблизив у вагонного окна головы, они с Алексеем не могли глаз отвести от цветущей черемухи, и хотелось сойти с поезда и поселиться где-нибудь здесь.

Между тем поезд мчался все дальше на запад. Одни пассажиры выходили, другие садились. Супруги замечали, как меняется человеческая речь. Язык был везде русский, но произношение слов разное. Проехали Смоленск, а за ним началась Белоруссия. Вот тут язык переменялся, но все же оставался понятным. Страна огромная, и чего же вы хотите, чтобы везде говорили как в столице.

Наконец поезд достиг границы. Дальше чужая земля.

5

Край, куда приехали супруги Ананьины, менее двух лет как был возвращен Советскому Союзу, и народ здесь жил другой. Все страшно боялись колхозов. «Вот придут русские – и нас загонят в колхозы, и заставят задарма трудиться на советскую власть», – так примерно рассуждал люд.

Поселились в местечке в полусотне километров от Бреста. Местечками здесь называли нечто среднее между деревней и поселком. Сняли комнату у старика и старушки, седеньких, чистеньких, всегда ласково улыбающихся, непонятно какой национальности.

По-русски они изъяснялись сносно. Молодожены считали, что им с поселением здорово повезло. Комната просторная, светлая, с отдельным входом и плитой, на которой можно готовить пищу и зимой обогревать жилище.

Мария, как свойственно любой женщине, начала вить семейное гнездышко. Полутораспальную кровать, отданную хозяевами во временное пользование, украсила вышитым подзором. Кое-какое постельное белье, данное ей как приданое, прихватили из дома. Съездили на автобусе в Брест и приобрели две перьевые подушки, ватное одеяло и кое-что по мелочи.

Об этом Мария обстоятельно писала своим аккуратным почерком домой матери Никитишне, брату Федору и невестке Поле. Особенно радостно и лестно было слушать сообщаемые новости старушке. Сама она читать не умела. Поля читала по складам, проучившись три-четыре месяца в ликбезе. Вот Федор был грамотный. Он-то и прочитывал по несколько раз письма и писал ответ от всей семьи. Слушая письма, а их успели получить немного, Никитишна думала: «Слава богу, вырастила дочь. Поставила на ноги. Замуж выдала. Теперь мне и помирать не страшно».

– Маша, не покупай много вещей, – говорил Алексей. – Только самое необходимое. Нынче мы здесь, а завтра, глядишь, на Дальний Восток переведут. Жизнь военного похожа на цыганскую.

Мария понимала, но не могла удержаться, чтобы не купить красивую вещь. Так приобрела коврик с лебедями, который повесила на стене рядом с супружеским ложем. Из-за этого они даже немного повздорили.

– Не нужен никакой ковер! – поморщился Алексей.

– Погляди, какой красивый! – Мария ласкала ковер взглядом и гладила ворс ладонью.

Оказывается, у них разные привычки и взгляды.

До простой истины, что так и должно быть, ведь он – мужчина, а она – женщина, дошли не сразу.

Рано поутру в начищенных сапогах, так, что отражались солнечные зайчики, в галифе и гимнастерке, перетянутой широким ремнем с португеей, Алексей уходил на службу. Чем он там занимался, жена особо не интересовалась, но знала: обучает военному делу красноармейцев. Возвращался поздно, уже в сумерках, пропыленный, усталый и чем-то озабоченный.

Мария, привыкшая с малых лет трудиться, тяготилась тем, что она не работает. Алексей утром уходил, а она оставалась одна дома. Готовила пищу, стирала, мыла полы, но это бытовые мелочи, которые любая женщина выполняет между делом. Она хотела постоянной работы. Алексей не возражал. Да и деньги нужны. Но куда пойти? В местечке ткацко-прядильного производства нет.

Работа сама нашла ее. Пришла в военторг купить ниток и иголок – ее заметила заведующая Зоя Петровна, солидная дама, постарше Марии. Муж ее майор Зуев служил в одной части с Алексеем.

– Не желаете ли, милочка, потрудиться? – обратилась к ней майорша с вопросом. – Вы ведь недавно сюда приехали?

– Да, недавно. Очень хочу работать. Кем?

– Как-кем! Продавщицей, конечно.

Мария ожидала, что ей предложат уборщицей, и она готова была согласиться. Но неожиданно ей предложили такую почетную и ответственную работу. Засомневалась – справится ли? Так она встала за прилавок и за короткое время освоила новую для себя специальность. Об этом написала в очередном письме, чем вызвала большую радость и гордость за нее у матери Никитишны, брата Федора и невестки Поли. Надо же! Продавщицей стала наша Машка. А недавно в тростильном цехе крутилась и выходила с работы вся в вате, потому что бытовок на фабрике не имелось. Отряхнувшись, всю вату с себя не снимешь, молоденькие девушки так и топали домой, и народ сразу видел: работают на ткацко-прядильной фабрике «Красное эхо». А теперь Мария с работы и на работу ходит нарядная.

На новенькую продавщицу приходили глядеть неженатые командиры да и красноармейцы, отпущенные в увольнение. Пытались с ней заговорить, но, заметив на правой руке обручальное кольцо, смущенные уходили. Внимание мужчин несколько льстило ее женскому самолюбию, но кокетства в ней не было. Алексей же немного ревновал.

– Лучше бы сидела дома.

– Вот рожу – и сяду.

Новизна отношений, они муж и жена, поднимали их над обыденной жизнью, делая ее праздничной. С женитьбой жизнь человеческая круто меняется. Прежняя семья отходит в прошлое.

Супруги создавали новую семью. Каждый из них теперь не только чья-то дочь или чей-то сын, а в первую очередь она – жена, а он – муж. От одних этих слов радостно щемит сердце, и впереди их ждет одно счастье. Кажется странным, что совсем недавно, несколько месяцев назад, они не знали друг друга, даже не подозревали о существовании. А теперь – самый дорогой человек на свете, без которого невозможно жить.

Мария любовалась Алексеем, как он собирался на службу. Роста он был, как и она, невысокого, но ладный. Гимнастерка с петлицами красиво обтягивала его широкие плечи. Ремни подчеркивали военную выправку. Держался, будто аршин проглотил. В военном училище их здорово муштровали, добиваясь выправки. В свою очередь, и она ловила на себе его восхищенные взгляды.

Между тем тревога нарастала. Люди, жившие в пограничье, знали больше, чем самое высокое начальство в Москве. Говорили, что немецкие войска стягиваются к самой границе и уже даже не таятся. Открыто и нагло продвигаются и поглядывают в нашу сторону. Об этом и еще о многом судачили женщины, жены военнослужащих, приходя в лавку военторга, с оглядкой, не подслушивает ли кто посторонний. Детей, кто их имел, в начале лета отправили подальше от возможной беды на восток к родным и близким. А сами остались здесь, чтобы разделить участь своих мужей.

В тот вечер, когда состоялся их разговор, Алексей пришел со службы очень поздно с таким странным выражением на лице – подавленность и тревога, – что Мария испугалась, не случилось ли чего.

– Нет, у меня на службе все в порядке, – на немой вопрос жены ответил он. – Не лучше ли тебе, Маша, уехать отсюда? Только не говори никому: не сегодня-завтра начнется война, – произнес он страшное слово и взглянул на нее. Мария вздрогнула: вот и конец их счастливой жизни.

– Но ведь Красная армия защитит нас.

– Всякое может случиться, – уклончиво сказал Алексей.

– Ты хочешь отправить меня домой? Может, я тебе надоела? – закапризничала Мария, хотя знала, что это не так.

– Что ты, Маша! Я думаю о тебе и о нашем будущем ребенке. Но смотри, дело твое. Чтобы ты меня ни в чем не упрекала.

– Подождем еще немного. Может, слухи о войне пустые.

На том и порешили. В этот вечер долго не ложились спать, а когда легли, подумали: может, это последняя проведенная вместе ночь.

7

В субботу 21 июня Алексей пришел со службы пораньше.

– Нынче в клубе кино. Сходим? – обратился он к жене.

– Конечно, – обрадовалась Мария, уж очень охочая до фильмов, особенно про любовь. Ну кто их не любит! Иные смотрели по пять-шесть раз одну и ту же картину, млея при поцелуях на экране. – Про что кино? Про любовь?

– Нет. Кажется, про войну.

Она огорченно вздохнула.

– Но там, думаю, будет и любовь, – утешил ее муж. – Не бывает фильма без любви.

Собрались, одевшись во все лучшее. На Марии было крепдешинное платье цветами, несколько скрадывающее ее растущий живот, и туфли на каблуках, на которых, впрочем, ходить по деревенской улице не совсем удобно. Каблуки вязли в земле. Но не могла она лишиться себя такого удовольствия – пройтись на каблуках под руку с мужем. Они делали ее выше и стройнее. Алексей снял военную форму и облачился в серый костюм, тот самый, в котором она впервые его увидела в летнем саду.

Выходя из дома, встретили своих хозяев, старика и старушку, как всегда ласково улыбающихся.

– А вы нейдете в кино? – поинтересовался Алексей.

– Неидем, – оба отрицательно покачали седенькими головками.

– Могу взять на вас билеты.

– Нет, не надо брать билеты.

Их заискивающие улыбки и слащавость вызвали у молодоженов настороженность.

В местечке появилось много новых подозрительных людей, что-то высматривающих. Кто они? Откуда взялись?

У клуба встретили сослуживцев Алексея, тоже пришедших в кино с женами, и разговорились о странных людях и об обстановке. Один поведал, что по ту сторону границы немцы, не маскиру-

ясь, прямо под открытым небом складировали снаряды. В этот субботний вечер праздничного настроения не получилось. Алексей даже подумывал, не уйти ли, добраться до Бреста и посадить жену на московский поезд, пока они еще не перестали ходить.

Фильм действительно был про войну, только показывалось все как-то облегченно. В зале присутствовали и подозрительные люди, которые нагло смеялись.

– Что это за война! Вот завтра начнется настоящая война!

Знали даже, когда она начнется. Только в Кремле ничего не ведали и не готовились, надеясь на пустую бумажку. Стало ясно, что в зале сидят провокаторы и шпионы, каким-то путем проникшие к нам. Наверно, они были вооружены. Алексей подумал: хорошо, что не в военной форме, его могли убить здесь. Об этом догадались и его сослуживцы.

– После сеанса сразу расходимся, – шепнул один. Ни у кого из них не было пистолета. Покидая воинскую часть, личное оружие сдавали под расписку.

Кино закончилось поздно, но было еще довольно светло. Наступили самые длинные дни в году. Именно в такое время и начинаются войны, почти день в день. Это тоже должно было знать высшее руководство. Но ничего оно не предприняло, войска у границы не были развернуты и приведены в боевую готовность.

8

Только легли спать и чуть задремали, как в дверь тревожно забарабанили. Оба моментально проснулись, и им показалось, что спали не более минуты. Алексей соскочил с кровати – и к двери. Оттуда могли выстрелить, и он встал за косяк. Пожалел, что нет пистолета. Как сглупило начальство, отдав приказ, чтобы сдавали оружие, покидая часть. Их могли взять голыми руками. Мария завозилась на постели, готовясь встать. Махнул ей, чтобы лежала.

– Кто? – тихо спросил он.

– Посыльный Савосин. Товарищ лейтенант, тревога. Приказано всем командирам явиться в часть, – ответил голос из-за двери.

Алексей узнал, голос действительно был красноармейца Савосина, служившего в его взводе.

– Я мигом оденусь. Подожди.

– Не могу ждать, товарищ лейтенант. Мне еще двух командиров надо оповестить.

– Тогда беги!

На улице застучали тяжелые сапоги убегающего красноармейца. Алексей быстро собрался и, подойдя к двери, помедлил:

– Это война, Маша.

– Да. Война, – согласилась она.

Вернулся к кровати и обнял жену.

– Прощай. Увидимся ли? Береги себя и ребенка, – он хлопнул дверью и растворился в предрассветных сумерках.

Стоя в ночной рубашке у отворенной двери, долго глядела ему вслед, хотя ничего не было видно. Что их ждет впереди? Вечная разлука?

То, что началась война, вскоре подтвердил наглый гул бомбовозов, летевших бомбить наши города и села. По рокоту моторов можно понять, что их загрузили до предела. Летели они не спеша, уверенные в своей мощи и безнаказанности, грозно урча, строем, десятки, сотни, тысячи самолетов.

А потом загрохотало вдоль всей границы, справа и слева, и особенно сильно в той стороне, где находился город Брест. В первые минуты Мария могла бы, быстро собравшись, бежать на восток. Но подумала: Алексей вернется – а ее нет. Что скажет? Бросила женушка. Нет, лучше остаться. Будь что будет. В голове было вроде тумана, и жизнь представлялась не реальной, а призрачной. Нам все это только кажется, говорили старухи философы в деревне, приходя на посиделки к матери Анне Никитичне и рассуждая о жизни и смерти. И вот эта призрачная жизнь – перед ней. Утратила чувство времени,

Местечко заполонили немцы. Холодные жесткие лица, серая одежда – все было чужое. Они что-то выискивали и вынюхивали. Боевые части ушли дальше на восток, а это были вторые или даже третьи эшелоны, устанавливающие свой, немецкий, порядок. Теперь уходить было уже поздно. Спрятавшись за косяк, Мария тихонько наблюдала в окно, что происходит на улице. Там хозяйничали немцы, а местные все попрятались и вот так же, как и она, следили в щелку за улицей.

Открыто у окна никто не стоял: могли выстрелить. Всем хотелось стать незаметным, превратиться в букашку и залезть в тараканью щель.

Марии ничего не оставалось делать, как молиться. Достала икону Казанской Божьей Матери, которой ее перед венчанием благословляла Никитишна, и с жаром принялась причитать:

– Матерь Божья, спаси и сохрани. Прости грехи наши...

Вдруг удар чем-то тяжелым в дверь. Крючок отскочил, и дверь отворилась. За дверью стояли два немолодых немца в военной форме с винтовками на плечах.

– Ви есть жен командир! – ткнул в нее пальцем один из немцев.

«Вот и смерть моя», – мелькнула мысль, и в голове буквально закипело. Откуда они могли узнать, чья она жена? Нетрудно догадаться – выдали услужливые, всегда заискивающие улыбающиеся седенькие старик и старушка. Теперь они заискивали перед немцами, как недавно перед ними.

Грохоча сапогами с короткими голенищами, вошли в комнату и обыскали. Заглянули даже под кровать с вышитым подзором. Стащили с ее пальца золотое обручальное кольцо, которое Мария забыла снять и спрятать. Долго вертели в руках икону. Поняв, что оклад на иконе медный, бросили на пол. Война – это еще и мародерство. Больше ничего ценного у молодых супругов не оказалось.

– Шнель! /быстро/ – приказали ей и повели. Немцам самим, видно, показалось неловко вести по местечковой улице небольшого роста с наливающимся животом женщину вдвоем. Один, старший, приказал другому, чтобы он вел один, а сам свернул в сторону и отправился дальше шарить по домам.

Ее привели в клуб, в котором только вчера, в последний мирный день, смотрели кино, теперь превращенный в комендатуру. Быстро немцы обустроились – ничего не скажешь, порядок любят. За столом сидел тоже немолодой немец. Его светло-водянистые глаза скользнули по ее животу. Догадался, что она ждет ребенка.

– И где есть ваш муж-командир? – взгляд немца стал колючим. Научились, сволочи, русскому языку, чтобы вести допрос, не более. Мария не считала нужным ничего скрывать и просто ответила:

– Нынче ночью по тревоге ушел в свою часть, и больше я его не видела,

– Ви лжет, нехороший женщин! Ви скрывать его! Еще раз спрашивать: и где ваш?..

Мария повторила ответ. Немец встал из-за стола и что-то сказал в дверь. Вошел сивогривый верзила с овчаркой на коротком поводке. Отцепив поводок, подал команду собаке. Рывнув, черной масти с рыжими подпалинами собачина бросилась на женщину и начала рвать на ней платье, обнажая тело. «Это все, конец!» – думала Мария, инстинктивно загораживая жи-

вот руками. Страх притупился, и Мария желала одного, чтобы все это побыстрее закончилось. Порвав на ней платье, собака отошла и легла на пол, тяжело дыша и высунув язык. Свирепости в ее глазах уже не было. Но оба немца, начальник и собаковод, по-прежнему кидали на нее злые взгляды. Стыдясь, Мария собирала на себя клочья платья и прикрывала обнажившееся тело, думая: неужели такое возможно на белом свете? Ну, убили бы ее, если считают врагом. Она готова была к этому. Но так издеваться над беременной женщиной... Нет, это не люди и даже не животные. Они хуже самых свирепых хищников. На теле осталось несколько царапин от когтей собаки, но укусов не было. Собака, видно, была так обучена – рвать на человеке одежду, но не кусать тело.

Ее отпустили. Шла и не верила, что осталась живой. Все внутри замерло, заостенело, и жизнь представлялась как в тумане. У дома мелькнули хозяева, старик и старушка, но тут же скрылись. Сбросила с себя лохмотья, помылась в корыте и надела чистое.

Через местечко потянулись длинные колонны пленных красноармейцев под бдительной охраной конвоиров, один обязательно со здоровенной собакой. Жены военнослужащих, несмотря на опасность, высыпали к дороге в надежде увидеть своих. Пленные шли молча, подавленные. Если кто и улыбался при виде русских женщин, то улыбка получалась вымученной, жалкой. На лицах же конвоиров довольство. Немецкие солдаты славно потрудились, захватив столько русских в плен. Казалось, вся армия у них в плену и воевать больше некому. Немцы выиграла войну за один день. Появлялась досада – сколько кричали, что наша армия непобедима, что враг, если нападет на нас, расшибет лоб о пограничный столб. Где этот несокрушимый столб? На деле все обернулось иначе.

Без конца тянулись колонны военнопленных, молодые русские ребята в гимнастерках. А вот и строй командиров, заметно выделявшихся своим возрастом.

– Майора Зуева среди вас нет?! – крикнула Зоя Петровна, бывшая заведующая военторгом.

– И лейтенанта Ананьина Алексея?! – последовала ее примеру Мария, жадно всматривавшаяся в строй.

Командиры, проходя мимо, отрицательно помотали головами. Как зыркнули на женщин конвоиры! Даже автоматы на них наставили, готовые дать очередь, да помешала обязанность зорко следить за пленными, чтобы никто из них

не сбежал. Думалось, конца и края не будет этой колонне подавленных людей. До позднего вечера простояли женщины, всматриваясь в лица, и потом разошлись.

Мария думала, что издевательства больше не будет, но все повторилось несколько раз. Ее вызывали в комендатуру и натравливали собаку, которая рвала на ней одежду, но не кусала. Она настолько привыкла к издевательству, что и страх в ней притупился.

– Лукавый русский женщин, – щурил глаза немецкий начальник.

Так же поступали и с другими женами военнослужащих. Немцы народ дотошный. Но в конце концов от них отстали, ничего не добившись. Да и что могли знать эти женщины? Видно, такая простая мысль долго не приходила немцам в голову.

Со всего местечка женщин собрали и поместили в конюшню, оставшуюся от польской кавалерийской части. Не охраняли, куда они могли убежать, но ежедневно пересчитывали – несколько десятков женщин, все молодые, красивые своей молодостью, от двадцати до тридцати лет, цвет человеческой жизни. Марии, родившейся в конце 1916 года, шел двадцать пятый год. Самой старшей, майорше Зое Зуевой, – тридцать первый.

9

Сооруженная из дерева конюшня давно пустовала, и запах навоза и лошадиного пота выветрился, но все равно ее нужно было приводить в порядок. Женщины ретиво принялись за дело, чистили, мыли, скоблили. Если большинству мужчин все равно, в каких условиях обитать, то женщине – нет, не все равно. Свивая себе гнездо, она старается его украсить. Занавесочки кое-где появились, ширмочки, и конюшня приобрела жилой вид.

Ее стали называть бараком.

Женщины даже порадовались, что есть крыша над головой и на них не капает. А вот военнопленных красноармейцев, слышали от одного местного жителя, расположили на открытом поле, обнеся его колючей проволокой. Пленные выкопали себе норы, в них и обитали, голодные, мокрые. Начался повальный мор.

В бараке у женщин в лидеры вышла майорша Зоя Петровна. Она была и постарше, и пограмотней. От своего мужа майора Зуева переняла командирские нотки в голосе. Она прошла через

те же испытания, что и Мария Ананьина, даже побольше, потому что муж был в звании выше – как-никак майор. Радовалась тому, что вовремя отправила дочь и сына, девяти и шести лет, к старикам родителям на Волгу, до которой врагу не дойти.

– Терпите. Осенью нас освободят, – убеждала она подруг.

Были и такие, которые впадали в отчаяние,

– Пусть убивают! Не хочу больше жить! – рвала на себе волосы молоденькая бабенка.

– Замолчи, дура! Без тебя тошно! – зашикали на нее со всех углов. Все они поняли, что самое ценное у человека не жизнь, а свобода. Надежда, что когда-нибудь вновь обретут ее, и подерживала их.

Заметив наливающийся у Марии живот, майорша поцокала языком.

– Вот не вовремя ты родить затеяла, Маша!

Их гоняли на разные работы, в основном на ремонт дорог, под присмотром пожилого немца-инвалида с двойным косоглазием – оба глаза сведены к носу. Вооружения у него не имелось, кроме палки, которой он только размахивал, попукая быстрее работать, но никогда не применял. Ему досталась легкая работа – командовать бабами. Вот уж и потешались они над бедолагой, отводя душу.

– В детстве чего-то испугался. Потому и глаза к переносице скосились. Ничего не видит, кроме собственного носа.

Немец, конечно, догадывался, что смеются над ним, багровел, покрикивал, махая палкой, заставляя быстрее работать, но ничего с ними поделать не мог. Они слушались майоршу. Она знала, сколько времени отдохнуть, чтобы не вызвать неудовольствие косоглазого охранника. А то он наябедничает начальству, их могут наказать и перевести на более тяжелые работы. Потихоньку насыпали на носилки песок и гравий, несли на дорогу, насыпали и ровняли ямины. Глядишь – и порядочно сделали. Не к чему придаться, даже если захотят.

– Орднунг? /порядок/ – обращались к немцу.

– Орднунг, – кивал косоглазый, довольный их работой.

– Фрау, фрау у тебя есть? – спрашивали его о семейном положении. Немец от долгого общения с русскими женщинами начинал понимать нашу речь.

– Ист.

– Красивая?

Конвоир молчал, не понимая вопроса или делая вид, что не понимает.

– Наверно, такая же косоглазая, как и он. Только у нее оба глаза косят в разные стороны, – женщины хохотали, потешаясь над немцем, но особо не усердствовали, знали меру.

Им выдавали кое-какие полуиспорченные продукты, и они сами себе готовили на плите в бараке. Среди них нашлась повариха, которая чуть ли не из топора суп могла сварить. Женщины и тут были женщинами. На вещи, оставшиеся у них, выменивали у местных жителей продукты, в основном картошку. Когда на огородах пришла пора срубить капусту, собрали оставшиеся капустные листья и нашинковали целый ушат. Так что они были относительно сыты.

Вся пропаганда безбожия, в той иной мере действовавшая на сознание, слетела с них как шелуха. Каждая обращалась к Богу с горячей молитвой, но делала это про себя, тайно. Засыпая на своем соломенном ложе, шептали молитвы, прося Всевышнего выволить из неволи. Мария никогда не переставала верить в Бога. «Вы там что хотите говорите, – думала она, – а я буду верить, как мои родители, деды и прадеды».

Но веру свою не выставляла напоказ, а держала глубоко в сердце. Молилась за себя и за всех близких. Вспоминала мужа Алексея. Как резко оборвалась их только начавшаяся совместная жизнь! Ушел по тревоге в свою часть – и все, больше она его не видела. Что с ним? Получил ли одну из первых пуль и погиб или оказался в плену, выжить в котором невозможно? Когда думала о муже, было больно, горько. Часто вспоминала и дом, мать, брата, невестку и племянников, и эти воспоминания были ей отрадны. Она как бы переносилась туда.

Ее беспокоили приближающиеся роды. В каких нечеловеческих условиях ей предстоит родить! Как супруги радовались бы, да и вся родня появившемуся на свет новому существу мужского или женского пола! Как привольно росли дети в крестьянских семьях, качаясь в зыбке, подвешенной к оцепу! Только тронешь – и пойдет качаться зыбка вверх-вниз, оцеп – скрип-скрип. Зыбка занавешена ситцевым пологом, и младенец, накормленный и сухой, спит целыми сутками и не замечает, как вырастает. Глядишь, еще года нет – а он уже стучит пятками по половицам – тук-тук.

Мария думала, как бы подать весточку матери, что она живая. Ведь мать, не получая вестей, сильно о ней беспокоится. Так бы и превратилась в маленькую птичку – и улетела. Брат Федор, конечно, призван на войну и, если еще жив, воюет.

Мария не выходила на работы, оставаясь

дневалить. Помогала чистить картошку, подметала сбитый из глины пол, делала всякую другую работу.

Слухи разными путями доходили до них. Да немцы сами широко оповещали, что они уже под Москвой и вот-вот возьмут оплот большевизма.

10

Припело время родить. Среди женщин оказалась акушерка, которая, осмотрев Марию, успокоила ее, сказав, что роды должны быть благополучными. Плод выношен, подает признаки жизни. Правда, из-за скудных харчей матери маленький, но это и лучше: легче родить. Живот у нее действительно был невелик, и все утверждали, что родится девочка.

Марию поместили на топчане рядом с печкой, застелив свежей простыней. Кто-то для будущего ребенка раздобыл у местных жителей кроватку-качалку.

В один хмурый ноябрьский день начались схватки. Таков уж удел женщин – рожать. Они иногда говорят: хоть бы один мужчина родил, тогда бы понял, какое это трудное дело.

Вернувшись с работы, разбрелись по своим конурам и затихли, прислушиваясь к тому, что происходит у печки. Рядом с Марией оставалась одна акушерка, молодая симпатичная женщина. На плите в баке и ведрах грелась вода. Печь беспрерывно топилась, обогревая малоприспособленное для обитания людей жилище.

Схватки были тяжелые, внизу живота что-то рвалось. Но Мария, глядя вверх на стропила, поддерживающие соломенную крышу, молчала, сжав зубы. Ей, столько перенесшей, было совестно стонать, хотя акушерка советовала:

– Покричи, покричи, милая. Полегчает. Все кричат, когда рожают. Ничего зазорного нет.

Мария не размыкала губ, и только по выступившей на лбу испарине было видно, как ей нелегко приходится.

Женщины между тем перешептывались.

– Не подает голоса. Значит, схватки прекратились. Знаю случай... – начались пересказы разных происшествий, связанных с родами. – Одна баба в деревне рожала на большой русской печи, на соломе. Бабка-повитуха взяла родившегося младенца – а он, как ей почудилось, весь в червях. Подслеповатыми глазами не сразу разглядела, что к тельцу прилипла солома.

– А то вот еще случай. Была у бабы двойня, о

чем ни она, ни акушерка не догадывались. Родила она первого ребенка, глядь, за первым второй младенец показался. Сказала акушерка мужу роженицы, который в коридоре дожидался. А у них уже было пятеро детей. Муж растерялся от такой прибавки в семье и закричал: «Хватит! Скажите жене, чтобы больше не рожала!»

Женщины тихонько посмеялись. Вспомнив, что одна из них в это время страдает, умолкли.

– Сходить, что ли, глянуть, что там, – поднялась любопытная с соломенного ложа. На нее зашикали, и она угомонилась.

Вдруг в их жилище раздался новый звук, не плач, а писк новорожденного. Появился он на Божий свет бездыханным, но умелой рукой акушерка встряхнула его и шлепнула ладонью по ягодицам. Младенец хлебнул живительного воздуха и тоненько запищал.

– Ну вот, все говорили, что будет девочка. А родился мальчик, – оповестила акушерка роженицу.

Мария лежала на топчане, укрытая одеялом. Как только услышала писк, ее пронзила, несмотря на усталость, острая любовь к новорожденному. Теперь у нее появилась новая забота. Раньше думала только о себе, а теперь еще о сыне.

На помощь акушерке пришла майорша. Вдвоем перевязали пуповину, обмыли и, спеленав крохотного ребенка, как куклу, подали матери. Как раз подошло молоко к соскам, и младенец умолк, зачмокал, начал глотать, насыщаясь, и наконец заснул. Его переложили в кроватку-качалку, укутав еще одеялом.

Женщины продолжали переговариваться.

– Уже родила, а мы и не слышали – как. Знать, роды легкие. Некоторые так орут – за версту слышно.

Тут же обсуждали судьбу родившегося.

– Что родила – хорошо. Опросталась. Но не выжить ребенку в таких условиях, нипочем не выжить. Да уж побыстрее бы его Бог прибрал, чтобы не мучился.

Все согласились, не желая худа матери, даже как бы в утешение ее.

– Ананьина – баба молодая, после войны народит детей. Только бы муж вернулся, – и задумались о судьбе своих мужей.

Утром над Марией склонилась Зоя Петровна.

– Живая? Здоровая? – и, убедившись, что с ней все нормально, спросила: – Как мальчика назовешь?

Роженица немного подумала. Многие убеждали ее, что появится девочка, которую твердо решила наречь в честь матери Анной, но вот

всему наперекор родился мальчик. Имя для него она не выбрала. После небольшого раздумья ответила:

- Назову Виктором.
- Ты знаешь, что значит это имя?
- Нет, не знаю.
- Виктор – победитель.

11

Убрата Марии Федора судьба оказалась тоже непростой.

Его каждое лето на 2-3 месяца призывали в лагерь для обучения резервистов. В начале 30-х годов отслужил четыре года срочной службы пограничником на старой польско-советской границе, был подготовленным воином. У него имелось предписание: в случае объявления войны, не дожидаясь повестки из военкомата, в тот же день явиться на сборный пункт, имея при себе кружку, ложку и пару белья.

22 июня, простившись с семьей, матерью Анной Никитичной, женой Полей, сыновьями Юрой и Сеней, соседями и сродниками, прибыл на сборный пункт в Ростов Великий, где и прослужил более трех месяцев, обучая военному делу новобранцев и резервистов.

Жена несколько раз навещала мужа, привозила из дома гостиниц. Уходили на берег озера Неро, и муж шепотом говорил жене, что ничего не готово к войне. Новобранцев обучают вытесанными из досок «ружьями». Так и отправляли с пустыми руками на фронт, обещая, что там их вооружат.

В октябре в результате окружения под Вязьмой нескольких наших армий на фронте сложилось трагическое положение. Путь на столицу врагу был открыт. На угрожающие участки в бой бросали всех, даже курсантов военных училищ. Федор со своей частью оказался в самом пекле и принял участие в уличном бою. Он называл населенный пункт, да жена Пелагея запомнила. Федор и немец, по-видимому офицер, выскочили из-за угла дома навстречу друг другу и выстрелили почти одновременно. Бывают на войне подобные случаи. Вражеская пуля угодила Федору в грудь чуть выше сердца. Выстрел из трехлинейки попал немцу в самую серединку и сразил его наповал. Зажав рану, Федор даже смог подойти к поверженному врагу и убедиться, что он мертв.

Несколько месяцев Федор пролежал в госпитале в Пушкино под Москвой, и жена опять ездил

ла к нему с гостинцами. Привозила литровую банку меда. Ее старшая сестра Александра держала пчел. Пирогов собственного печива, четвертинку первача, настоящего на травах, и прочего. Он поведал жене, как был ранен и открыл счет врагу.

Приехала Пелагея в очередной раз к мужу – а его в палате не оказалось. Сильно перепугалась, подумав, не случилось ли самое страшное. Заметив волнение, раненые бойцы, находившиеся в палате, успокоили:

– Выписали его, гражданка. На днях отбыл. Где-то воюет. Ждите письма.

Неудобно возвращаться домой с гостинцами, и она выложила их из сумки, поставив на подоконник, как всегда, литровую банку меда, чекушку первача и прочего.

– Кушайте, солдатики, на здоровье. Поправляйтесь.

Дома ее ждало письмо, в котором муж извещал жену, чтобы она к нему не приезжала: его выписывают и отправляют на фронт.

12

Пришло распоряжение: эвакуировать жителей прифронтовой полосы. Враг обтекал столицу с северо-запада, и до Переславля-Залесского оставалось два-три танковых перехода. В Болшеве обеспокоились и заволновались. Куда ехать на зиму глядя? Кто их ждет? Колхозных лошадей распределили по семьям, одна подвода на два-три дома, в зависимости от количества людей. Поля срочно строчила на ножной швейной машинке «Зингер» младшему сыну из овчины шубейку.

Никитишна, осунувшаяся, потемневшая, сидя на лежанке и прислонясь спиной к теплой печи, неподвижно уставилась перед собой. С самого лета, как началась война, она только и думала о дочери Марии, Марьке. Что с ней? Жива ли? Оказывается, неизвестность хуже самой печальной вести. Старуха не раз говаривала:

– Ежели бы узнала, что ее нет в живых, я бы заплакала и успокоилась. А тут мне нет покоя ни днем, ни ночью.

Ей оставалось одно – обращаться к Богу, и, встав на колени перед киотом, она молилась, вкладывая в молитву весь жар своей души. Она знала, что дочь оказалась в тех краях, откуда началась война. Зятя Алексея, наверно, уже нет в живых. Но он – воин. А Мария – женщина, к тому же – беременная. Что могло случиться с ней? Ни-

какие другие мысли не приходили в голову. Утомленная тяжелыми думами, начинала с вечера клевать носом и засыпала, лежа бочком на теплой лежанке. В полночь просыпалась и до утра не смыкала глаз, ворочая в голове одну и ту же мысль.

– Поля, вы езжайте в эту самую эвакуацию, – обратилась она к невестке. – А я никуда не тронусь из дому. Останусь тут.

– Убьют. Говорят, враг уж больно лют и никого не щадит, ни малых, ни старых, – ответила невестка.

– Пушай убивают. Я смерти не боюсь.

На том и порешили. Поля с сыновьями уедет, а Никитишна останется дома. Корову, которой скоро телиться, тоже не возьмут и овец оставят. Чем их кормить в дороге? Животные от бескормицы падут.

Иней выбелил траву, и снежок порхал в воздухе, но, как всегда в предзимье, быстро стаивал – и снова черная земля. По вечерам в сумерках на северо-западе освещалось сполохами небо, как бывает летом, когда поспевают хлеба. Но то не зарницы играли, там шли смертельные бои.

Люди выходили из домов и глядели в ту сторону, где мелькали сполохи. Гула не слышалось, но ощущалось дрожание земли. Тревожно было в душах людей.

Потом вдруг перестало освещаться небо в той стороне. Пришло новое распоряжение: эвакуация отменяется. Началось наступление наших войск под Москвой, и враг был отброшен.

13

Словно сорока на хвосте принесла – пришло известие женам, а может, вдовам военнослужащих в барак: наши наступают и к весне их освободят. Откуда узнавали об этом, сами не знали. Как будто у кого-то из местных жителей имелся приемник и хозяин приемника кому-то шепнул, тот – другому, и пошло гулять по местечку, пока не докатилось до женщин. Открыто и бурно не радовались, каждый переживал про себя. Лица их, раньше времени увядшие, будто засветились надеждой. А косоглазый немец заметно приуныл, возможно, не столько от дурных для него известий, сколько от русских морозов, во всю силу затрещавших с приходом зимы. Уже не брал с собой палку и не размахивал ею; скрючившись, стоял или подпрыгивал, чтобы согреться.

Женщин гоняли на расчистку дорог от снега.

Надев на себя все, что имелось, превратившись таким образом в кули, вооружившись широкими лопатами, гуськом двигались по дороге. От стужи поневоле будешь работать. Бросали на обочину снег. Раньше бы залюбовались его радужным блеском на солнце, но теперь им было не до красот природы. Освободив ухо из-под толстой шапки, прислушивались: не слышна ли на востоке канонада. Но ничего не было слышно. Однако не теряли веры, что их рано или поздно вызволят из неволи.

Короток декабрьский день. Вот уже кровавая заря растеклась по небу, предвещая в ночь сильный мороз. Толпой возвращались в барак, думая согреться глотком кипятка, ложкой какого-нибудь варева.

На зиму они еще больше утеплили бывшую конюшню, ставшую для них домом, завалили где можно соломой, заколотили окна досками. Печь день и ночь топилась, раскаляя чугунную плиту докрасна. Вокруг нее и жались, протягивая иззябшие руки к жару. Тепло берегли и маленькую калитку понапрасну не открывали, чтобы не напустить с улицы холода.

Все это время с ними жило крохотное существо – Витя, большую часть времени спавший в кровати-качалке рядом с печью. Как он не погибал – трудно сказать. Материнского молока не хватало. Нажевав хлеба и положив в чистую тряпочку, мать совала в рот ребенку, и тот потихоньку сосал жеваный мякиш и насыщался. Так делали испокон веку в деревнях, коли не доставало молока у матери, и вырастали здоровые крепкие люди.

Мария держала сына сухим, замывала у печи и стирала пеленки. Тряпок ей надавали много, берегла их и понапрасну не выбрасывала, используя по несколько раз.

Постепенно внешность младенца стала определяться. Мать разглядела в сыне большое сходство с отцом Алексеем: нос крючком, длинный разрез глаз, округлый, как пяточка, подбородок, хотя в таком возрасте трудно что-либо с достоверностью определить.

– Ничего, Витя, перезимует, – говорили ребенку материны подруги. Он тарасил на них глаза и как будто соглашался.

14

Весна не принесла им, как ожидали, освобождения. Вместо одной зимы им пришлось прожить в неволе целых три.

Всем приходилось нелегко, а Марии Ананьиной вдвойне трудно. Она, как кошка, которая лишь на короткое время оставляет своих котят и тут же возвращается назад, обеспокоенная, не случилось ли чего за время отсутствия с ее потомством. Так и она бежала со всех ног к ребенку, хватала его и прижимала к груди, глядела и слушала: дышит, значит, живой. В то же время, как ни странно, он давал ей дополнительные силы. В ней билась неистощимая энергия, порожденная материнской любовью.

Витя рос хилым рахитичным ребенком, да еще удивительно, что рос. Ни в год, ни в два он не пошел. Стоял, и то нетвердо, пошатываясь. Здоровые дети начинают ходить в десять, даже в девять месяцев. Если Марии удавалось у местных жителей за какую-нибудь работу получить кружку молока, было большой удачей. Не хватало пицци – ползал подобно кутяшонку на четвереньках. Чаще всего лежал на спине и моргал, уставясь вверх. О чем думал? Запомнится ли ему это время? Некоторые слова – мама, тетя – он научился произносить.

Его все жалели и старались чем-нибудь надевать. У всех женщин в какой-то мере проявлялось к нему чувство материнства.

Случалось, он хворал, голова горела, его рвало. Вокруг слышался шепот:

– Нет, не выжить ему. Нипочем не выжить. И так удивительно, что он столько живет.

Мария вся обмирала и спасалась молитвой. Молитва ли помогала, жизненные ли силы, заложенные в ребенке, но, к удивлению всех, он поправился, жар спадал, во рту торчала тряпочка с жеваным хлебом, который он потихоньку сосал.

– Ожил наш Витя, ожил! – говорили женщины. – А мы-то думали...

Впрочем, они не докучали ему и держались на почтительном расстоянии, чтобы какой-нибудь микроб не занести. Истощенные, они сами частенько хворали...

Время освобождения близилось. Борьба с сильным коварным врагом продолжалась. Дух нашего народа не сломлен. А потом до них стали долетать и вести о победах. Так, зимой 1943 года вся Германия погрузилась в траур по погибшим и взятым в плен под Сталинградом. Как далеко в глубь страны зашел враг!

15

Восток во всю свою ширь заговорил: загрохотал, по вечерам освещался, вначале чуть слышно и еле видно, а затем все сильнее и вид-

нее. Оттуда тяжело, как в 1941 году с запада на восток, только теперь с востока на запад летели бомбить вражеские позиции самолеты со звездами на крыльях, наши самолеты. Да и по поведению немцев, представлявших в местечке администрацию, заметно стало, как они обеспокоились и засуетились, подобно муравьям, когда в муравьиную кучу сунешь палку. Собирали вещи и готовились улепетывать. Женщины уже не скрывали радости: шло освобождение.

Тут встал вопрос: что им делать? Оставаться ли в бараке и дожидаться своих или что-то предпринять? Их могли угнать в Германию, и освобождение бы отложилось на неопределенный срок. Более того – могли расстрелять. От врагов, натравливающих собаку на беременную женщину, можно ожидать всего.

Порешили: схорониться в лесу, благо густой лес простирался во все стороны на несколько километров. Конвоира женщины прогнали.

– Иди, косоглазый, к своей фрау, пока тебе глаза в другую сторону не вывернули, – и немец покорно пошел.

Собрав пожитки и кое-какие харчишки, женщины ушли в лес, и он укрыл их своими ветками, растворились среди деревьев и трав, словно их и не было.

Более двух недель прожили как первобытные люди, питаясь ягодами, грибами, разными кореньями, с ними и Мария Ананьина с ребенком, которому шел уже третий год. Но он еще не ходил, и мать таскала его на закорках.

На ночь устраивались в ямах или сооружали шалаши из веток. Землю устилали еловым лапником, клали какую-нибудь дерюжку – и засыпали, моля Бога, что еще один день минув благополучно, и думая, как хорошо, что их пребывание в лесу пришлось на лето, на август. Невозможно было бы выжить в лесу зимой.

Воду брали из ручья, протекавшего по дну оврага. Костер не разжигали, опасаясь быть обнаруженными, но потом, осмелев, разводили огонь под густой елью, чтобы дым рассеивался в густых потемках. Дым, путаясь в ветках, незаметно возносился к небу. Вокруг толпились женщины, огонь освещал их сосредоточенные лица. Каждая думала: ей тяжело, а какво Марии Ананьиной с мальцом. Но она ни на что не жалуется. Женщины старались чем-нибудь угостить мальчика, ягодкой на веточке, завалывшимся сухариком. Мария держала при себе бутылочку с остывшей кипяченой водой и по глоточку давала ребенку. Воду кипятила на костре в консервной банке.

Витя, по-видимому, быстрее всех привык к лесной жизни. Широко раскрыв глаза, разглядывал ветки, траву, ползавших букашек. Тянулся ручонками, чтобы ко всему прикоснуться, потрогать.

Все ужасно обносились и действительно стали похожи на первобытных людей.

Фронт прокатился над ними, загрохотал в другой стороне, и все затихло.

Отправили в разведку шустрюю Клавку. Она вернулась скоро, махая руками и крича:

– Наши, наши! Выходите!

Женщины дожидались ее на опушке леса, прячась среди кустов и деревьев. Клавке вначале не поверили. Неужели в самом деле пришло освобождение? Этого часа ждали более трех лет, и поверить сразу было невозможно. Запыхавшаяся, точно после долгого бега, Клавка рассказала, что в местечке расположилась наша часть и никаких немцев нет.

Тронулись в местечко, но осторожно, готовые в любое мгновение повернуть назад и укрыться в спасительном лесу, с которым успели свыкнуться.

Клавка не обманула. Среди домов сновали наши солдаты при погонах. На груди некоторых – медали и ордена. Пока женщины томились в плену, форма изменилась и стала похожа на форму прежней русской армии. Командиров стали называть офицерами, и звания обозначались на погонах звездочками. Дымила кухня, разнося забытый мясной аромат.

Солдаты окружили женщин, с любопытством разглядывая их. Откуда они взялись, и среди них – небольшого роста бабенка с ребенком на руках? Женщины, стесняясь, прятались друг за друга. Пришлось старшей Зое Петровне объяснить, кто они такие, и рассказать, что они больше двух недель скрывались в лесу. Они не простые бабы, а жены командиров. Она, например, жена майора Зуева.

Доложили командиру расположившейся в местечке части. Пришел среднего роста мужчина с посуровевшим за время войны лицом в чине подполковника. Зоя повторила свой рассказ. Лицо подполковника сморщилось, он готов был заплакать, но пересилил себя.

– Так вы, дорогие мои, с первого дня войны здесь?

– С первого, – ответила майорша.

– Долго мы шли к вам! – как собственную вину признал он и распорядился: – Помыть, одеть, накормить, – глянул на ребенка, который таращил глаза на всех. – А это чей?

– Лейтенанта Алексея Ананьина, – ответила Мария и с надеждой спросила: – Не встречали такого?

– Нет, к сожалению, не встречал.

У остановившейся на отдых воинской части имелась и баня на колесах. С таким наслаждением женщины никогда не мылись, хлеща себя березовыми вениками, смывая пот, грязь и копоть костра. Витя, сидя в тазике, бил ладошкой по воде и радовался разлетающимся брызгам.

Им выдали и нижнее белье, правда, мужское. Юбок на всех не хватало, и надели брюки-галифе. Гимнастерки очень шли им, а пилотки сидели так изящно, что впору влюбляться.

Выпили по чарке наркомовской и вдоволь поели гречневой каши с тушенкой, ощущая забытый вкус мяса. В августовских сумерках над местечком разлилась фабричная песня: «Чудный месяц плывет над рекою. Все в объятьях ночной тишины. Ничего мне на свете не надо, только видеть тебя, милый мой. Только видеть тебя, бесконечно любоваться твоей красотой...»

Как будто и не было трех лет неволи.

16

Придя из соседнего села с почты, молоденькая девушка-почтальон вручила Анне Никитичне письмо и удалилась. Случалось, она сама читала старым людям, не знавшим грамоты, письма. Но в доме был грамотей – Юра, окончивший четыре класса. Старушка вертела письмо в руках, рассуждая сама с собой:

– Не от Федора, Федорову руку я знаю. От кого же письмо? – она насторожилась.

Юра вскрыл письмо и стал читать:

– Здравствуйте, мои дорогие, – мамаша, Поля, Юра и Сеня, а также все сродники. Федора, конечно, дома нет, воюет. Пишет вам Мария. Пишу сразу, как освободили...

Никитишна ахнула и чуть не лишилась чувств. Письмо от дочери, от которой не было вестей более трех лет, так что и руку ее забыла! Какое превращение произошло со старушкой! Подавленная, с потемневшим лицом, она точно ожила. Нашлась, нашлась ее Марька, да не одна, а с сынишкой, которому третий год! Уберегла ее Царица мать Небесная, которой Никитишна денно и ночью молилась. Не могла удержаться и заплакала от радости.

Вскоре в избу набилось полно народу. Пришли родственники, соседи, подруги Никитишны. Письмо перечитывалось десятки раз, и она вы-

учила его наизусть. Вдумывалась в каждое слово. Что, какое переживание стоит за ним? Письмо было скучным. О муже сообщала, что знала – ушел и не вернулся. Но оставалась надежда. Мария торопилась получить весточку из дома и обещала в следующем письме написать подробней.

– Садись, Юра, пиши ответ, – попросила она внука.

Юра достал школьные принадлежности и своим еще не устоявшимся детским почерком настрочил на двух тетрадных страницах письмо. Написал и о здоровье Никитишны, и деревенские новости, и какую живность держат на дворе.

В тот же день написали и Федору, что Мария нашлась, и дали ее адрес. Может, навестит сестру?

Федор в звании старшего лейтенанта с портупеей на диагоналевой офицерской гимнастерке и кобурой на ремне, двумя нашивками за ранение, красной и желтой (второе ранение получил в 1943 году, осколком задело ногу), узнав из письма адрес сестры, завернул к ней на часок в местечко. Конечно, сильно обрадовались встрече.

– Здравствуй, сестра!

– Здравствуй, брат!

Пошли расспросы – что и как. Мария и брату особо не распространялась о перенесенных лишениях. Федор сам догадывался, сколько ей пришлось пережить всего. Потатушкал племянника Витю. Сестра, устроившись на хлебную должность в пекарню, немного поправилась, и Витя наматал щеки, но все еще не ходил.

– Домой пока не поеду, – сказала Мария. – Буду ждать здесь мужа.

– Жди, сестра, жди! Может, вернется, – одобрил ее брат, про себя подумав: надежды мало, что он живой.

– А ты что собираешься после войны делать?

– Кончится война – сразу домой. Хочу сыновей порастить, мать порадовать, с женой пожить. Увидимся после войны.

Но увидеться им не пришлось. Конец войны был уже близок. В феврале 1945 года пришла похоронка, осьмушка желтой бумаги, где блеклыми чернилами было начертано: «Старший лейтенант Работников Федор Ильич заболел и умер. Похоронен в г. Белостоке». Ныне это территория Польши.

Вот жизнь человеческая! Из каких перепадов складывается!

На должности пекаря в те голодные времена Мария была сыта и накормлен ребенок. От производства ей выделили комнату в коммуналке. Улыбчивые старик и старушка, у которых супруги жили перед войной и которые выдали ее, приглашали поселиться у них, обещая, что никакой платы не возьмут. Стояли перед ней на коленях, прося прощения. Мария отвернулась от них.

Большинство ее подруг по неволе разъехались кто куда. Некоторые остались тут дожидаться мужей. Да и ехать было некуда: дом разорен. С ними Мария встречалась, обсуждали новости.

Через некоторое время после окончания войны потянулись эшелоны с нашими солдатами, побывавшими в плену. Вернулась только малая часть. Остальные сгинули, умерли с голоду, от непосильной работы, побоев и прочего.

Недалеко от местечка возник фильтрационный лагерь, где бывших пленных тщательно проверяли, – как попал в плен и не служил ли врагу. С одним Мария познакомилась. Это был чуть выше среднего роста худощавый парень. Его не посадили, но и не отпустили домой. Чем-то он вызвал у энкаведэшников подозрение, и его оставили на неопределенный срок дожидаться решения. Он ходил свободно и однажды увидел Марию, прогуливающуюся с ребенком.

– Почему мальчик плохо ходит? Болеет ногами? – поинтересовался он. Мария не успела ответить, как он сам догадался: – Побывал, как и я, в плену. Ничего, окрепнет и побежит.

Протянул ему руку, тот ухватился за палец, и они повели ребенка вдвоем.

Парень, с которым Мария познакомилась, был моложе ее на целых семь лет, уроженец Курской области, курский соловей, как он себя называл. В плен попал летом 1941 года под Могилевом, где немцы окружили значительные наши силы. Звали его Иваном Михайловичем Дьяконовым. Изведал все: и холод, и голод, и издевательство. Спасло то, что перевели на сельхозработы к фермеру средней руки. Фермер кормил сытно, понимая, что голодный не работник, но с немецкой педантичностью требовал работы от и до, с раннего утра и до сумерек. После обеда давал часок отдохнуть. Как-то залез Иван в сарае на сеновал и заснул крепким сном. Сквозь сон услышал:

– Ивэн, ком! Ивэн, ком!/иди/ – хозяин требовал идти на работу.

Так Ивана разморил полуденный жар, что не захотелось вставать. «Пошел ты, немчура, к едре-

ной матери! Дай еще пять минут полежать», – подумал он про себя и не откликнулся на зов хозяйна. Тот недовольно засопел, взял вилы и не черенком, а острием ткнул в сено, на котором лежал Иван, и пропорол ему бок. Потекла кровичка.

– Ах, гад! – слезши с сеновала, Иван замахнулся деревянным башмаком на хозяина. Не говоря ни слова, немец сел на велосипед и закрутил педалями. Привел двух полицейских. Досталось ему от них.

Освободили американцы, которые предупреждали бывших советских военнопленных, что их дома могут посадить, потому что считают предателями, и предлагали остаться на Западе. Из нескольких сот человек, бывших с Иваном, не захотели вернуться тридцать-сорок, не более. Остальные торопились домой, в том числе и Иван.

Мария рассказала, что ждет мужа.

– Какая ты женщина! – восхитился курский соловей. – Мне бы такую жену!

Она понимала, что если бы Алексей был жив, то прилетел бы к ней на крыльях или подал бы весточку. Значит, нет его на свете. Как он погиб, при каких обстоятельствах – никто никогда не узнает.

Тянули с решением Ивановой судьбы долго, и только в следующем, 1946 году после разных проволочек ему вышла ссылка в Карелию на три года, как и многим подобным ему бедолагам. Не захотела власть сразу отпускать домой. Побывал в плену – значит, виноват. Но чья вина, что миллионы русских солдат оказались в фашистском плену?

Все это время Мария подкармливала Ивана, прикаясь к нему, нет, не любовью, а уважением. Иван привязывался к женщине и ее сыну.

– Маша, поедешь со мной в Карелию? – предложил ей Иван. – Обещаю любить тебя и не обижать твоего сына. Он будет и моим сыном.

Что оставалось женщине с ребенком? Хотелось опереться на мужское плечо. После некоторого раздумья ответила:

– Поеду.

18

Недолго пожив в Карелии, Мария с сыном поехала на родину мужа в Курскую область и по дороге завернула к нам. Я, семилетним, впервые увидел свою тетю Машу и двоюродного брата Витю. Она показалась мне женщиной пожилой, хотя ей не исполнилось и тридцати лет, с сухими строгими чертами лица, похожей на мою

бабушку, ее мать, Анну Никитичну. После долгих лет разлуки мать и дочь наконец встретились и наглядеться не могли друг на друга. А Витя, моложе меня почти на три года, был мал ростом и несколько напоминал старичка. Дружба у меня с ним не сложилась, но и вражды не было. По малолетству я многое не понимал.

Жизнь в стране была невероятно трудная.

Шел 1946. Я стал себя хорошо помнить именно с этого года, поэтому, наверно, он и врезался в память. Нехватка всего: хлеба, соли, спичек. За всем – огромные очереди. Возникал вопрос: мы победили или нас победили? Власть может быть враждебна своему народу, и она, эта власть, подмяла народ, особенно крестьян, под себя, обложив непосильными налогами и заставляя бесплатно работать. А надо было накормить изголодавшийся народ.

Тетя Маша уехала из Карелии, потому что жить с ребенком там было невозможно. Негде было достать кружку молока. В нашей местности народ спасался от голода картошкой. Ее терли на крахмал и добавляли в муку, отчего хлеб получался некачественный, отставала корка.

Погостив, тетя Маша с Витей отбыла в Курскую область. А вслед за ней из северных краев улетел курский соловей, не выдержав, чем только усугубил свое положение.

Какое-то время ему удавалось скрываться, а потом на него донесли. Ивана обложили, зафлажили как волка. Он лихо отстреливался из пистолета и ранил одного энкавэдэшника в локоть. Там, где гремела война, оружие достать было просто. Патроны кончились, пришлось сдаться. Его избили так, что не осталось живого места, сплошной синяк. Какая-то нечеловеческая, звериная выносливость помогла и на этот раз выжить. Ивана судили, дали десять лет лагерей и отправили под Воркуту. Оттуда не убежишь.

Освободил его 1953 год.

Хотя в том памятном году отменили непосильные налоги, жизнь оставалась нелегкой. Впрочем, легкой она и не бывает. Тетя Маша работала в колхозе, где за труд по-прежнему платили пустыми трудоднями. Жили огородом, подворьем, держали корову, поросят и птицу: гусей, уток, индюшек. Приехав погостить к тете Маше, я удивился: на дворе, вытянув шею, гоготали штук тридцать молодых гусей, четыре гусыни и гусак, который, увидев во мне чужака, полез драться.

От второго брака у тети Маши родились сын и дочь. Виктор был уже юношей, и мы с ним гоняли по округе на велосипедах.

19

Минувшим летом, совершая на машине поездку на юг к Черному морю, мы – сын Дмитрий, внук Данила и я, сделали небольшой крюк в деревню Ржава, к моему двоюродному брату Виктору Алексеевичу Ананьину. Давненько мы с ним не виделись, и я не сразу распознал его дом, окруженный хозяйственными пристройками.

Виктор с женой Валентиной на приусадебном участке выкапывали картофель. Лето заканчивалось, и, пользуясь погожими днями, торопились все убрать. Валентина, миниатюрная, худенькая, всю жизнь проработала на колхозной ферме дояркой. Глядя на Валю, я удивлялся: в ней была некая интеллигентность, в общем-то не свойственная людям этой профессии. Виктор много лет шоферил, у него побаливали ноги. Выглядели они для своих лет неплохо, и в доме был достаток. Все лето у них гостили две внучки и внук и вот недавно уехали. Я пожалел, что не застал их. Виктор с Валентиной вырастили трех дочерей, они жили в районном центре неподалеку от родителей.

Моей тети Маши уже не было в живых. Она пережила своего второго мужа и умерла на девяностом году жизни. Бог дарует таким людям долгую жизнь.

Вспомнив рассказы тети Маши о злоключениях в плену, я спросил Виктора, помнит ли он что-нибудь из того времени. Он ничего не помнил. Тогда он жил в другом измерении.

Пробыв недолго в гостях, мы расстались, пообещав друг другу видеться чаще.

□

Семен Федорович РАБОТНИКОВ

родился в 1939 году в д. Большево в крестьянской семье.

Окончил филологический факультет

Ленинградского университета.

Издал три сборника повестей и рассказов, повесть для детей «Солнце играет», романы «Столица мироздания»,

за который удостоен премии им. И.З. Сурикова,

и «Времена и сроки».

Печатался в журналах «Север», «Русь»,

«Природа и человек. XXI век», «Мера».

Член Союза писателей России.

